

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ПРАЗДНИК

ГРОМА

·СОВРЕМНИКА·

НОВИНИ

Андрей Тарханов

**Праздник
грома**

*Стихотворения
и поэма*

004859

Краеведческий
ФОНД

Москва • 1981

Ханты-Мансийский
окружной библиотека
Тюменской области

84/2 (ос=Манс) 5

82 (Сиб)

T22

Тарханов А. С.

T22 Праздник грома: Стихотворения и поэма. — М.: Современник, 1981. — 62 с. — (Новинки «Современника»).

Андрей Тарханов — поэт манси, пишущий на русском языке. Главное свойство его поэзии — тонкое ощущение природы родного края, умение слышать ее звуки, вглядываться в ее краски, обостренное чувствование ее многообразной жизни, кровной связи с человеком.

T 70403 — 288 241— 82 4702370000
М 106(03) — 81

С(Сиб)
ББК84М2

Как ерши, ощетинились пади
Буреломом и тайнами дня.
Исцеленья душевного ради
Отправляюсь за тайнами я.
И когда загремит, загрохочет
Небосвод от метаний огня,
Гром, как прежде язычника, хочет
На колени поставить меня.
Руки ослабевают от дрожи,
В них проснулись инстинкты веков.
И тревожит, тревожит, тревожит
Сила грозно гудящих стволов.
Я похож на пришельца из сказки:
Связан страхом, как путами, я.
Но по-прежнему разум бунтарский
На дорогу выводит меня.
И, от туч не тая удивленья,
Гром своих распрягает коней.
Здравствуй, чудо второго рожденья
И души, и дороги моей.

Зеркальный лось

Под радугой сосновый бор,
В сиянье изумрудном хвоя.
И там, где к речке коридор, —
Зеркальный лось у водополя.

Пляши, огонь!
Кружись, дымок,
Над рыбой розовой, душистой.
Потом лети, лети, высок,
К луне ночной, к луне лучистой.

Курится сохруп. Тишина.
Созрела рыба на желинах¹.
О, как она нежна, вкусна,
Такую — да на именины!

И будет стол.
И грянет пир.
И будет рыба чуть дымиться...
Чтоб именинник долго жил,
Все будут долго веселиться.

Тропа язычника

Тропа язычника видна
Среди озер и мудрых кедров.
И молоком луны она,
Как детский сон, напоена.

Тропой язычника меня
Отец водил, как рысь, сторожко.
И целовала нас хвоя,
И был впервые счастлив я.

Дивился я друзьям отца:
Бобру — речному работяге,

¹ Ж е л и н ы — тонко оструганные сосновые палочки.

Медведю — сторожу котца¹,
Глухарке, греющей птенца.

Я их в наследство получил,
Под стать князьям мое наследство:
Священная протока Ил,
Кедровник, где с отцом бродил.

Шли годы весен для страны.
Шли годы страшных испытаний.
Отец мой не пришел с войны,
Сгорел кедровник в час луны.

Но, будто в сказке, и трава
Тяжелый камень поднимает.
Тропа язычника едва
Видна,
Но ведь жива, жива
И смело силу набирает.

Она зовет меня. Иду.
В любви я был и есть язычник.
И лес веселый вновь со мной,
Мы с ним идем тропой одной.

Геолог

Старшему геологу Житкову Т. А.

Наслой керна² как листы
Волшебной книги.
Путь к ней долог.

¹ Котец — ловушка для рыбы.

² Кери — земная порода, взятая для пробы на нефть.

Какие вести держишь ты
В руке, задумчивый геолог?
Светло читаешь письма:
Седой песчаник, аргиллиты¹.
Есть в недрах дивная страна,
Она сейчас тобой открыта.
Виденье шлет палеозой:
Глыбастый мамонт бивни точит.
И запах нефти —
Так травой
Осенней
Пахнет среди ночи.
Ты поднял взгляд.
На буровой
В глубины трубы опускали.
И отблеск тайны той земной
В твоих глазах мы увидали.

Скворечник

*Бригаде испытателей
Бочкарева И. Г.*

Возле балков на вербине скворечник.
Возле громов буровой
Кажется этот скворечник нездешним,
Будто с планеты иной.
А на вербине и песни, и завязь.
Здесь их особенно чтут.
Вахта, устало к балкам возвращаясь,
Приостановится тут.
Пойте, скворцы, соловьи наших далей —
Царства болот и хвои.
Сколько вы дарите светлой печали!

¹ А р г и л л и т ы — камнеобразная глина.

Сколько восторга, любви!
И наливаются силою вешней
Листья от песни такой.
Ты, будто солнышко людям, скворечник,
Здесь, в глухомани лесной.

*

На буровые езжу за стихами,
В края, где в далях клюквенных болот
На бровках-гарях с рыжими лучами
Глухарь, людей не видевший, живет.
Мы повстречались у осин каленых,
Недалеко от звездной буровой.
Багряными лучами окропленный,
Он пил сиянье солнца над травой.
В миг ритуальный красками метеля,
Он краем глаза увидал меня.
Скрестились взгляды — наши удивленья,
Но больше птицы удивился я.
Он замотал сердито головою,
Что, видно, означало: не тревожь.
И снова пил лучи зари с любовью,
И сыпали осины алый дождь.

Монолог буровика

Голубая тень сосны смолистой,
Вертолета тень наискосок.
Снова я в плену небесной выси
И в плену нехоженных дорог.
Где-то там за горями урмана
Буровая и болота ржавь,

Ледяная и в июле Ляма —
Речка, что не одолеешь вплавь.

Здесь живу, работаю. Однажды
Озарил меня вопрос простой:
Если жить с природой в ссоре, как же
Выращу я сад весенний свой?

Сколько кедрача тогда завянет!
Сколько рек напьется темноты!
Берег детства, вся в хвоинках Ляма,
Жить тогда мне с горечью беды.

Реки не отдам на откуп горю,
Цвеств тебе, кедровый юный бор!
И уйдут в архивы разговоры,
Что с природой вел я вечный спор.

Как забыть, что я — твой сын, природа, —
Надо мной ты не смыкаешь век.
Будь же бережливей год от года
И к земле, и к небу, человек.

Береза и старик

Леониду Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын, плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.
И опустил топор старик устало
И крикнул сыну: «Отдохни!»

Они присели жаркие, хмельные
На шелковистый розовый бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали капли с веток на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И словно что-то опалило грудь.
И, бликами восхода озаренный,
Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
Закинув руку левую за спину,
К глазам он руку правую поднес.
И, словно чудо, увидал вершину
В сиянье улыбающихся звезд.
Глядел еще бы, да глаза слезились,
Спина заныла — и вздохнул старик.
В душе его навеки поселились
И бездна неба, и березы лик.
И взял он непослушными руками
Топор тяжелый, что-то прошептав,
И снова опустил: перед глазами
Стоит береза, небеса обняв.
— Устал, отец? — услышал голос сына.
Потом услышал стуки топора.
Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
А мне, наверно, помирать пора».
И гром по лесу — рухнула береза.
И вздрогнул, и нахмурился старик.
Шагнул с бугра. В глазах стояли слезы
И все качался тот зеленый лик.

*

Пусть за меня поговорит костер:
Он думы леса понимает,
И вознесет меня на ветках бор
И, словно в зыбке, покачает.

Засну в объятьях хвои, синевы.
И мать придет,
Как прежде в дни сомнений.
У поседевшей встанет головы,
Меня разбудит ласкою весенней.

Ах, мама, снова силы есть в груди!
Мне дал их бор священный,
Дал как сыну.
Я выбрал сам кремнистые пути,
Я никогда их, мама, не покину.

Ива

Водопад зеленых прядей ивы
И спокойный, и неторопливый.

И плыву я, словно в прядях-струях,
Тающий от нежных поцелуев.

Это правда: ты — русалка мая.
Ива, отпусти меня, родная...

Грибная тайга

Грибами пахнет каждый куст.
Под куполом —
Под елью
В рубашке желтой дремлет груздь,
Чуток посыпан прелью.

Волнушка издали видна —
Красавица с пеленок —
Она всегда окружена
Гурьбой своих сестренок.
И роща белая зовет,
У ней свои подарки:
Тут подберезовик растет,
Лисичка в шапке яркой.
От них приходим мы в восторг,
Мы все сегодня — дети.
Нарядный хитрый мухомор
Сердит на чувства эти.
Идем, как в сказку, по грибы,
Идем тропинкой узкой.
И не устанем от ходьбы
Грибной тайгой июльской.

Медвежатник

Он был большерук и огромен,
И тайна своя у него:
Он шел на медведя
И кроме
Ножа
Не имел ничего.
Судили в деревне, что это —
Не удадь, одно баловство.
Но падали наземь медведи
От хватки железной его.
Не ведал, наверно, таежник,
Куда свои силы девать,
И в прятки со смертью нарочно
Ходил по урманам играть.

И снова он страшные меты
Несет на лице за увал.
И снятся ночами медведи,
Которых в бою обнимал.

Слово о кедре

В Ингатье, забытой деревушке,
Ельпин дед живет совсем один.
Глухарей зовет в свои ловушки.
Сам себе судья и господин.
На избушке филин спит ушастый.
Видно, приглянулся птице дед —
Сухонький, из-под бровей глазастый,
Ходит, будто тела вовсе нет.
«Что ты, дед, нашел в лесном затишьи,
Мало видел тягот на веку?»
«Всяк свое на этом свете ищет,
Я кедрач отцовский берегу.
Больно шаловлив народец ныне —
Вздымщики прохожие...

Давно

Кедрача бы не было в помине,
Каб не я...

Им, пришлым, все равно —
Иль болото, или бор кедровый.
А кедрач — святыня здешних мест!
И спрошу, коль подгодилось к слову:
Соболь почему жирует здесь?
Почему здесь белка и куница?
Все от кедра, правит он тайгой.
В кроне и под нею любит птица
Хорониться от грозы шальной.

Буду здесь, пока в ногах есть сила,
Я мужской не принимаю плач...»
Ты, земля, на радость подарила
Людям этот ельпинский кедрач.
Он стоит под нашим небом синим
В красоте нетронутой своей, —
Величавый от судьбы и сильный,
Будто войско Родины моей.

Ночной омут

Звезды падают в омут весенней реки,
В глубине отливая зеленым.
А на глади воды —
Золотые круги,
Рождены они заревом донным.

Как тут духам лесным не таиться, не жить!
Тени веток у берега гибки.

И воды колдовской лосю надо испить,
И от лунной отпрянуть улыбки.

Ровно в полночь из омута звезды плывут
И дрожат поплавками на глади.
Их на крылья туманы берут и несут
На небес золотые полати.

Морошковое лето

Пояса цветущие надели
Тысячи улыбчивых озер.
И выходят окуни на мели
На морошковый взглянуть простор.

И глядят завистливо кувшинки
На морошку,
Как цветет она —
От рожденья белые крупинки
Солнце раскалило докрасна.
Опьянев от ягоды бордовой,
Веселят озера, посмотри:
На опушке солнечной, сосновой
Распевают песни глухарь.
Ароматной ягодой согреты,
Оленята счастливы в лесах.
И цветет морошковое лето
У меня в душе и на губах.

*

Лиственница утром ранним
Розовата кожей.
Молодуха после бани
На нее похожа.
Все у ней от шеи белой
И до пят литое.
До озноба это тело
Буйно-молодое.
Ах ты, банька, пенье пара,
Берестяны ведра!
Будто мак, цветут от жара,
Пламенеют бедра.
Пляшет веник,
Пляшет бойко.
У сосков горячих,
Лист березовый, постой-ка,
Сразу станешь зрячим.

Он глядел и целовался,
Как любимый, званый.
Он глядел и оставался
Родинкою тайной.

И в предбанник вышла ты,
Красная девица,
Ясным солнцем красоты
Той, что не приснится.
Той, что только в жизни есть,
Есть, как солнце, травы, лес.

*

Я взял с собой в дорогу нежность,
Она тревогою горит:
В моей душе,
Душе добрейшей
Зеленогрудый ястреб спит.
А вдруг проснется этот ястреб,
Обиды давние тая?
А вдруг жестокий этот ястреб
Мое обличье, суть моя?
И станет нежность, чтоб согреться,
Искать костер в глухом краю.
Когда проснется ястреб этот,
Я нежностью его убью.

*

Ковш Медведицы черпает тьму.
Удивляются совы ему.
Ради солнца он сил не жалеет,
И колодец небесный пустеет.

Как чудесно сейчас в небесах!
И глухарь на бордовых ветвях
Снова славит явление восхода,
Ковш сияет: работа к исходу.

Небосвод все ясней и ясней.
Утро каждое неповторимо.
День сегодняшней—лучший из дней.
Как он трудно родился — любимый!

*

Есть у Конды протока Голубика.
Верховье той протоки посмотри-ка.

Кусты сплелись и ягоды повисли
Над ручейком, бегущим шагом лисьим.

Когда туман вершит на зорьке чудо,
Протока кажется большущим блюдом.

В том блюде, полном молока парного,
Синеют ягоды ручья лесного.

*

В старину у манси бытовал обычай
показывать невесту медведю. От ее
поведенья при встрече со священным
зверем зависело: быть ей замужем или нет.

Нет шумней в паулах¹ вести,
Чем вот эта — страх сказать:
Поведут в тайгу невесту,
Чтоб медведю показать.

¹ Пау́л — селенье.

004859 17

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
Тюменской области

Споров всех судья старинный —
Знает все он, не съюлишь.
Или ты живешь невинной,
Или... грех не утаишь.

По тропе идет невеста,
Что бояться — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.

А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда —
Будто радуга цветет.

Первой вскрикнула невеста:
На тропе судья-медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, смотреть.

Как брусника, покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела,
Вот попробуй разберись:

Иль в грехе своем призналась —
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?

А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
«Речи поняли твои.

Помасипа, помасипа! —
Ой, спасибо! Ой, спасибо!

Наши клятвы позабыты,
Для Таись — мы не семья». —
У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.

Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

Знойный день

От зноя бор сосновый порыжел,
Свалила рысь на дереве дремота.
И даже гриб под елочкой вспотел —
На красной шляпке семь крупинок пота.

И коршун в небе как прибит гвоздем —
Лучом всеусыпляющего зноя.
Не справиться ему лишь с муравьем,
И в зной не знает муравей покоя.

Выдра- невидимка

Стоит земляничное лето
В спокойной своей красоте.
Валежина дымного цвета
Грустит на притихшей воде.
С ней берег расстаться не хочет,
А ей бы с волною играть.

На этой валежине очень
Понравилось выдре лежать.
Над выдрой черемуха сказки
О щуке столетней поет,
Горят ее бусинки-глазки,
Меня она, видимо, ждет.
Плыву я бесшумно и скрытно,
Выслеживать зверя мастак.
С валежиной темною выдра
Слита, не заметишь никак.
Но чувствую взгляд напряженный,
Откуда он, чей? — не пойму.
И речка, и берег спокойны,
Тревожно лишь мне одному.
А воздух расшит паутáми,
А воздух звенит, как от пуль.
За лодкой своей, за кустами
Услышал я тихое: буль.
Покрылась река пузырями:
В июльской воде голубой
Кругами, кругами, кругами
Плывет кто-то следом за мной.
Задумчивы заросли тала,
Светло улыбается лес.
Ей-богу, мне радостно стало,
Что тайна поблизости есть.

Идол

Глаза туманные протри,
Тайга, кто пьет лучи зари?
Тайга пугливо говорит:
— Идол.

Кто десять тысяч дней, ночей
Для неба копит соболей?
Я вызнал тайну у ветвей,
Идол.

Но час прозрения настал,
Я из тайги тебя прогнал,
Ты убежал куда-то вдаль,
Идол.

Где ты теперь, мой злой божок?
К кому тыходишь на порог?
Кто для тебя таит восторг,
Идол?

Таежное

Есть озера синие в Урае,
Не стихает там утиный крик,
И растет на диво в этом крае
С голубой каемкою сосняк.
Приезжайте. У лесной сторожки
Встретит вас веселый следопыт.
Он душой распахнут и немножко
Фантазер, из сказок леса сшит.
И, когда его чайком распарит,
Поведеет он, лежа на боку:

— Чо тебе я расскажу-ка, паря:
Шел лонись за глухарем в тайгу.
Глядь, медведь — сама гора Шайтанка
На меня шагает на дыбах.
И струхнул я: поздно за берданку...

Слава богу, сила есть в руках.
Вот сошлись мы нешутейно. Душит,
Гнет меня он, лиходей, сопя.
Шмыг я под него — и эту тушу
Враз перемахнул через себя.
Темь в глазах... как побывал под танком.
Глянул я, куда медведь упал.
Где же он?! И где моя берданка?!
Он, лешак, с берданкою удрал...

А костер горит. Сова хохочет.
Все с охотником случиться может.

В предгрозые

*Светлой памяти отца —
Тарханова Семена Прокопьевича*

Запах хвои и серы кедровой,
С берегами веселыми лог.
И рождается мудрое слово,
И рождается детский восторг.
Этот миг незабвенный как звуки
Убежавшего к солнцу ручья.
Я стою на коленях,
А руки
Ловят первые капли дождя.

Праздник грома

Над притаившимся бором,
Над Иртышом,

Над бударкой¹,
Над рыбаком у запора²
Гром —
И веселый, и жаркий.

Тр-р-ах! —
И расколото небо —
Выросли красные горы.
И покрасневшие гребни
Просят защиты у бора.

Что вы торопитесь, люди?
Небо нам с детства знакомо.
Травы ликуют повсюду,
Праздник сегодня у грома.

Гром,
Над урманами праздной
Радуг стоцветных пожары.
Не для трусливых и праздных
Майского грома удары.

Гром, хохочи, торжествуя:
Прячутся в душевные норы
Злоба, измена...
Иду я —
И зеленеют просторы.

*

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел, и ласкова волна.
Она уже кувшинки напоила,
Она уже, как я, душой вольна.

¹ Бударка — лодка.

² Запор — рыболовное устройство на реке.

Я уплыву далеко, луговина,
На поиск бухты Веры и Любви.
Ни в чем, как мать, поверь, ты не повинна,
Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят пути за мною, луговина.
Крепчает ветер, мачту накреныя.
Ты вспоминай, прошу, утрами сына,
Ты вспоминай печального меня.

*

Я славлю раковины пенне —
Прощальный голос моряка.
Он принял смерть как удивленье:
Уж близко, близко берега...
И вот его остался голос.
И раковины чуткой полость
Его для мира бережет.
А голос все зовет, зовет...

Бригантина

Было празднично. Пахло в садах абрикосами.
Ветер моря, как бабочка, цвел у лица.
Я купил бригантину в ларьке Феодосии,
Я сегодня похож на лихого купца.

Я несу бригантину, и у взрослых прохожих
Загораются детским восторгом глаза.

Я иду с бригантиной цветочной порошею,
Будто крымские маки, у ней паруса.

Все слышнее прибой — голос моря органного.
Море ждет бригантину, как звонкую весть.
Знаю, люди мои, в мире столько желанного!
Верю, люди мои, создан мир для чудес!

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил.
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он молча на восход глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Как звезды, мысли высоки.
Горят, пылают в строгой раме
Тревогой вечною мазки.

И снова горы, воздух синий,
Холодно-огненный рассвет...
А журавли летят в Россию,
Он смотрит, смотрит им вослед.

Сын Грома

*По мотивам мансийских
героических песен*

«Тропинка лесная —
Твоя колыбель, —
Однажды седая
Сказала мне ель. —
Когда уставали
Дороги твои,
Им звезды сияли
И пели ручьи.
Варили настои
Парные лога
Из чаги и хвои,
Смородинника.
Ты пил, не гнушаясь,
Настой из корней
На звонкую радость
Природе своей.
И ты поклонился
Тропинке-судьбе.
И Гром появился
На той же тропе».

«Я — Гром,
Я хранитель
И воин Весны.
Лесную обитель
Сберечь мы должны.
Ты — сын мой,
Я смело
О том говорю,
И молнии-стрелы
Тебе я дарю.

Стрелой громовою
Круши ты беду.
Тропинкой лесною
Иди в высоту...»

О Громе седая
Поведала ель.
Тропинка лесная —
Моя колыбель.

В дожди

В дожди голубика тоскует,
В дожди голубика цветет.
И облако в огненной сбруе
Тогда к голубике плывет.

Деревья бегут бесконечно,
И лоси нащупали брод.
Они понимают, конечно,
К себе голубика зовет.

На трепетный голос Природы
Спешу, как бесшумная рысь.
И неба дождливые своды
Опять поднимаются ввысь.

Тайга в этот миг будто омут,
Такой голубой, голубой.
И к кедру душисто-парному
Опять прикипаю щекой.

А ветер у горла воркует,
В глаза голубика глядит.
И облако с огненной сбруей
В веселом просвете стоит.

Осеннее

В кругу берез приходит миг счастливый.
Картину эту вижу наяву:
В дождливый день кедрач туманно-синий
Берет в охапку желтую листву.
Ах, что за край! Сгорает все до пепла,
И в этом пепле — огненный рубин,
Играющий, мерцающий от ветра,
Не гаснущих под ливнями рябин.
И на Туман¹ взгляни, моя родная,
Он весь листвой, как чешуей, горит.
Над ним дорога птичья, ветровая,
Она сейчас, как санквалтап², звучит.
Ты очарована.
И день твой светел.
Таким он будет в памяти всегда.
Ветра уносят раскаленный пепел, —
И в небе новая горит звезда.

*

Натруженные лапы глухаря
Достойны песни, низкого поклона,
Как эта августовская заря,
Как лиственница у родного дома.

Натруженные лапы глухаря —
Мозоли от песчаного обрыва,

¹ Туман — большое озеро.

² Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

От каменно звенящего ручья
И от сосны, парящей горделиво.

Тихи леса и речки глухаря,
Его тропинки — в звонкой позолоте.
— Царь-птица, пой! —
Об этом просим я,
Кедровники и рыжие болота.

Лесник

Я — лесник.
Дружу со сказкой
И на тропке боровой
Я беседую по-братски
С медноликою сосной.

Я — лесник.
Пою восходу,
Травам росным на меже.
И весеннюю природу
Открываю я в душе.

Я — лесник.
Со мной в походе
Дружат выюга и гроза.
И, касаясь небосвода,
Шлют поклоны мне леса.

Старый кедр

Горбится кедр
Над сонной водой,
В омут глубокий
Уйдя бородой.
Ею играет
Тихоня-карась.
Кедр бороною
Мотает, сердясь.
Только не в силах
Он рыбу унять,
Бороду грозно
И важно поднять.
Так и висит он
Над тихой водой —
Жилистый старец
С седой бородой.

На озере Туман

Зовут меня дороги
В пожары сентября.
И, позабыв тревоги,
От радости высокой
Зовет к себе заря.

Урман в листве багряной
И волны из листвы.

Плыву я утром рано
Просторами Тумана,
За мной плывите вы.

Из паутинок снежных
Сегодня свод небес.
И льется в сердце нежность,
К тебе питаю верность,
Мой неоглядный лес.

Рябиновый пир

На пир рябиновый спешите, сойки,
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока горячи,
Как угольки костра, плоды рябин.
И снова иволга от счастья плачет,
И кто-то по тропе идет один.
Наверно, я.
Кому же быть другому?!
Прощанье чую, вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному,
Огня рябины я у птиц прошу.
И пир горой.
И хочется с улыбкой
Леса обнять за то, что мы живем.
Бей, дятел, в барабан!
Плачь, иволга, как скрипка!
На пир рябиновый мы всех зовем.

*

Прощается клин журавлиный
С кондинской тайгой вековой —
С багряным пожаром осины,
С пылающей в небе листвой.

Не выразить это виденье —
Бездымный костер на бугре,
Ведь сила его притяженья
Подобна апрельской заре.

Стою я, огнем окольцован,
Я думы не ведал нежней.
И клин журавлей окольцован,
Осина, печалью твоей.

Золотой падун

В золотом падуне листопадная вьюга гуляет.
В золотом падуне радость с грустью в измену играет.
И глаза твои смотрят в меня сквозь деревьев просветы.
В них такое лукавое жаркое светится лето.

В золотом падуне блики осени будто котят.
Рыжим пламенем их согреваться, наверно, не надо.
Ведь, родная, не раз мы обмануты были с тобою
Листопадом страстей вихревой листопадной порою.

В золотом падуне вдруг теряются трезвые мысли,
В небе алые кружатся, кружатся, кружатся листья.
В золотом падуне кто-то плачет и кто-то смеется,
Безмятежных в моем золотом падуне не найдется.

Осеннее утро

Я вышел из леса в одеждах тумана,
Неся аромат кедрача на плече.
Так чутко и чудно, так трепетно рано,
И ваша калитка еще на крючке.

Оранжевый бакен колдует у плеса,
Роняет картофель последний цветок.
И в душу мою вдохновенную льется
С полей кочевая прохлада дорог.

Мне жизни не жалко за это мгновенье,
Которое дарят тайга и Конда.
Осеннее утро — мое вдохновенье,
Я верю — ты будешь со мною всегда.

Тетя Нюра

Тетя Нюра, тетя Нюра,
Дому вашему я — друг.
Крыша как медвежья шкура
И наличники вокруг.
Вы одна в доме живете.
Я признанья не таю:
Вы живете как поете
Песню добрую свою.
Дети-птицы разлетелись,
Редко весточка придет.
Но бывает «новоселье»
В вашем доме каждый год.

Вот студентка-практикантка
Приезжала из Читы...
И уносят квартиранты
Искры вашей доброты:
Иль смешинку, иль радушье,
Вы теперь, как мать, для всех.
К вам спешит и в дождь, и в стужу
Одинокий человек.
От душевного привета
Сердцу легче, веселей.
Вам поклон земной за это,
Тетя Нюра, от людей.

*

Призывный свист.
Мой хитрый пищик,
Буди черемушный урман.
И рябчик мне ответно свищет,
Торопится на мой обман.

А ведь сегодня, белой ночью,
Я об иных мирах мечтал.
И он, весенний одиночка,
Как я, взволнованный, не спал.

Мы были с ним по чувству — братья...
Горит, горит в тайге рассвет.
И речка древних манси Ка́пья
Бежит среди священных мест.

Святыни предков позабылись,
Свободой чувств своих горжусь...
Как странно в мире породнились
Печаль и радость, смех и грусть.

*

Ветерочек парус гонит,
От разлуки сердце стонет...

Из народной песни

Ой, березовые дали,
О своей пою печали.

Долгих-долгих три годочка
Я ждала с войны сыночка.

Рано утром выходила,
Со звездой говорила.

Ты, звезда, моя святыня,
Сбереги от пули сына.

Лучик ласкового солнца,
Сына милого дотронься.

Ты, дружок мой, ветерочек,
Спой, каким стал мой сыночек.

Видит он во сне, наверно,
И меня, и дом вечерний.

Долгих-долгих три годочка
Я ждала с войны сыночка.

Похоронка прилетела —
И звезда моя сторела.

Кружит, кружит ветерок
Над холмом, где спит сынок.

Следопыт Макарович

Политову Михаилу Макаровичу

Видна в окошко ель-старушка,
Кедрач заснеженный вдали.
Живет Макарович в избушке
На тихом краешке земли.

Он соболует и рыбачит.
А в час вечерний у себя
С женою спорит об удаче:
«Моя удача — это я.

Я воевал. Был ранен дважды.
А вот живу смертям назло.
И кто теперь на свете скажет,
Что в жизни мне не повезло?!»

Светло Макарович лукавит.
Он любит волю, удаль, лес.
И лихо рыжий ус поправит,
И молодеет сразу весь.

Природа — вот его отрада,
И речь такую он ведет:
«К лесам прислушиваться надо,
На помощь часто лес зовет».

Февраль

Февральские ветры — бураны, метели
Бока моей лодке память захотели.

Они налетели — голодные волки,
Но зубы свои иступили — и только.

Тогда намели они снежные горки,
И лодка под ними заплакала горько.

И выплыло солнце из розовой тучи,
И ветры умчались в пихтовые гущи.

Мы с солнцем на пару колданку¹ лечили,
Мы варом целебнейшим раны залили.

И крикнул тогда я в притихшие дали,
Чтоб с мартом они мне весло присылали.

¹ Колданка — лодка.

*

Тоне

В кедровой хвое постоянно
Мои кондинские снега.
С дороги вьюжной шлет прощанье
В зеленой варежке рука.
За этой снежной коловертью
Я встречу ли опять с тобой?
Уносят кони,
Кони-черти
Тебя в кошевке расписной.
У февраля возьму доверья,
У марта — шалой красоты.
И кроны лунные деревьев
Твои мне высветят следы.
Прощай, покой, и осторожность,
И неуверенность моя!
За этой вьюгою тревожной
Я все равно найду тебя.

*

— Ты зачем совенка подстрелил?
— Да сам не знаю...

Из разговора

Вечерний сумеречный лес,
Так осязаем лик тревоги! —
И яростной волчицы месть,
И тот совенок одинокий.

Есть что-то властное в тебе,
Вечерний лес, до зорь притихший.
С невольной грустью на тропе
Стою я, головой поникши.
Все цепче, цепче колдовство
Ветвей. Я правду открываю:

— Совенок спит. Зачем его
Ты подстрелил?
— Да сам не знаю...

*

Горбатый пенёк обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты,
А я твоей жестокости стыдился.

На Север

Сыну Илье

Березы весенние парки¹
Еще надевать не хотят.
На Север, на Север казарки
Волна за волною летят.

¹ Парка — нарядный меховой наряд.

И чем это дорог мой Север,
От радости плачете вы?
Спит в рощах сиреневых ветер,
И нет еще первой травы.

Восход над равниной зорится,
Веселое солнце встает.
Мы помним озер наших лица
И гнезда в ладонях болот.

Я полон весенней тайгою,
Я стаям ликующим рад.
Казарки волна за волною
На Север, на Север спешат.

Песня каюра

Не коси на меня глаз свой карий,
Переждем непогоду — и в путь.
Я сегодня немножко усталый,
Разреши мне, олень, отдохнуть.

Даже звезды сегодня промокли
В этот майский отчаянный дождь.
Я бы чум подарил тебе теплый,
Все равно из него ты уйдешь.

Ты мечтаешь о тундре цветущей,
Чуешь запах морошки сырой.

Это тропы кочевья, дружище,
Не дают нам покоя с тобой.

*

А снег не тает,
Он горит,
Багрово языкаты блики.
Костер о звездах говорит,
А ночь,
А ночь черней черники
По-за костром, где спит ручей
Под куполом хрустально тонким.
Каких мне ждать сейчас вестей,
Скажите, зябкие потемки?
И для кого я запалил
Костер —
Свой вызов темным далям?
Чтоб кто-то вдохновенно жил,
Чтоб там, где ночь,
Скорей светало.
Я вижу — милая идет.
Ее страданий и сомнений
Я растоплю январский лед
И праздник подарю весенний.
Пылай, костер!
Под небеса
Взлетают звезды. Ночь уходит.
И зреет теплая гроза,
И солнце огненное всходит.

День боренья

На снега
Льют дожди проливные,
И кедрач до хвоинки промок.
И веселые сказки лесные
Приютил затуманенный лог.
Веселы вы, апреля поверья,
Но мятежны посланники тьмы.
В стане мокрых и зябких деревьев —
День боренья Весны и Зимы.
И от чувств не уйти обнаженных —
От надежды, от правды души.
Ходят тени в полях отдаленных —
Это тени коварства и лжи.
И ветра холодами пугают.
Но гляди: над полками вершин
Тучи тают, и тают, и тают,
Высветляя кочующий клин.
И увидела зоркая стая, —
Этот миг я забыть не смогу, —
Снег последний рассыпчатый тает
В голубом и веселом логу.

Гимн березовому соку

Другу Корикову Нилу

В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,

Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в этот час,
По жилам сок клокочет.
От сока опьянев, косач
Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то пир стоит,
А на земле-то радость.
Цветут цветы, куда с ветвей
Упали капли сока.
Пьет капли стая лебедей,
И дятел, и сорока.
Спешат к березе стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.

Сумерки марта

Ночь улетает.
И разве не жалко —
В разные дали уйдем?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйдут туда, в голубое свеченье,
На голубые пути.
Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.

Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает. И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

Апрельский лед

Играет солнце в эту пору:
Танцует, став на окоем.
Потом идет с улыбкой в гору,
Чем выше — тем светлей кругом.
Как хорошо в минуту эту
Идти к ярдани¹ по реке,
Когда все тянется к рассвету
И пляшут блики в тальнике.
Спешит и солнце, солнцу надо
Увидеть свой апрельский лед.
Смотрите, лед хрустальным садом
В моем сачке горит-цветет.

¹Ярдань — прорубь для ловушки с рыбой.

Он самый ломкий, самый донный,
Сияньем душу веселя,
Он дарит птичьи перезвоны
И перезвоны хрусталя.
И солнце снова замирает
От удивленья на горе.
А лед звенит, звенит и тает,
Как снег случайный в сентябре.

Лось и подснежник

Как облака по горизонту огневому,
Пугливо лось идет по насту голубому.

Червонным золотом горит сосны подножье,
И чей-то шепот: осторожно, осторожно.

Прядет ушами великан, рогами водит,
Нигде виновника тревоги не находит.

А на проталине, где чуть парок дымится, —
Подснежник, он рогов сохатого боится.

Вздохнул сохатый глубоко и облегченно,
Пошел, качая головою удивленно.

День укрощения огня

Зоту Тоболкину

Идем таежной целиною,
Почтенье к кедрачу храня.
У нас сегодня, друг, с тобою
День укрощения огня.

Пылают сучья и поленья.
Но с ветром что поделать нам?
Летит он с быстротой оленьей
И гонит пламя по снегам.

Обломками сырой лесины
Берем огонь лесной в кольцо.
А полог хвои синий-синий,
И в хвое, друг, твое лицо.

Тебя кедрач живописует.
И укрощенный — в землю врос —
Огонь ласкается, воркует,
Сейчас он будто умный пес.

Убережет он и от зверя,
И от пурги. Так помни, друг:
Пока в свои удачи верим —
Беде не взять нас на испуг.

Мы дорожим своей свободой...
И для тебя, и для меня
Он дорог, этот день с Природой,
День укрощения огня.

После дождя вода зеленой,
Парной становится на миг
До самой до песчинки донной,
И веселеет чаек крик.
Река от всплесков закипает,
Как серебро теперь вода:
Из глуби сонной выплывает
Резвиться рыба мелкота.
А чайки, чайки, словно дети,
Бултых в реку, галдеж стоит.
И радуга на гомон этот
С улыбкой матери глядит.

Ручей Берестяная чашка

Вот так цветет в лугах ромашка,
Как лилии в твоих руках,
Ручей Берестяная чашка,
Ручей, родившийся во мхах.
Ему священны поцелуи
Уставших до смерти людей.
Его коричневые струи
Торопят к речке окуней.
И голос мил, и голос тонок,
О речке он поет-звенит.
Ручей — восторженный ребенок,
Который к матери спешит.
Его вода, его прохлада
Сохатому, и глухарю,
И человеку дар-отрада.
Ручей всегда поет зарю.

Маска язычника

Пляшет маска,

Пляшет Яска.

— Кара-ю!¹

— Кара-ю!

Яска пляшет и поет,

Заклинание кладет

На озера, на деревья.

Как вода, нужны поверья.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Где б я на рыбалке ни был,

Будь всегда спокойным, небо.

Заходите в мой провяз,

Нельма, стерлядь и карась.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Пляшет Яска на поляне,

Пляшет утром рано-рано.

Корявые сучья завидуют маске,

А звери и птицы завидуют пляске.

Ой, страшная маска командует Яской!

Зачем семь рогов у нее из лосины?

— Они для удачи, — вам скажут осины.

Глаза ее совы мерцающе светят.

— Знак мудрости это, — вам кедров ответят.

Оскалом зубов ее рот не сверкает.

Не стоит смеяться! Кто это не знает?

В оранжевых дугах, зеленых обводах

Она почему? Вам расскажут в народе:

Не дуги — стоцветные радуги это.

Зеленый обвод — комариное лето.

¹ Кара-ю — заклинание.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Пляшет, пляшет бойко маска —

И молва тайги, и сказка.

В сердце дива не таю,

Вместе с маской вам дарю.

— Кара-ю!

— Кара-ю!

Олень

Бежит сквозь лес он что есть мочи,

Горит закат в ветвях рогов,

За ним несутся всхлипы волчьи

И тени хмурые стволов.

От страха косачи седеют,

Он в этой схватке одинок.

Глаза волчицы пламенеют,

Сверкнул, как молния, прыжок.

И вот уже дымится рана,

И обвалился талый наст.

Олень упал на снег багряный,

И на рогах закат погас.

Земляк

Земляк мой, будто листвень, рослый.

В тайгу-кормилицу влюблен.

И вызвать земляка непросто

На исповедь, задумчив он...

Я говорю с накалом вроде,
Слова — как льдины в ледоход.
Земляк мой мнется, о погоде
Опять неспешно мысль ведет.
И я, поняв свою оплошку,
Не удержался от похвал.
И, как в таежную сторожку,
Ушел земляк мой — замолчал.
И я молчу. Молчит дорога.
А солнце свой берет разбег.
Вот так с молчанья понемногу
Мне открывался человек.

Белая ночь

Ночь, как сон и волшебный и давний,
Ночь, как чайка над Обью, бела.
И слепые угрюмые камни
Плачут на косогоре села.

Ночь, как поезд отчаянно-скорый,
Как восторг над лесами летит.
Даже ворон, усталый и хворый,
В эту ночь, будто сторож, не спит.

Не спеши, огнекрылое утро,
Не спеши улетать, поживи.
Это майское белое чудо —
Голос первой далекой любви.

*

Сыну Ване

Улыбка ребенка во сне
Вовеки ни с чем не сравнима.
В ней солнце, в ней трепет любви.
А разве любовь объяснима?

Природа так верит тебе,
Устала она от обмана.
— Что снилось во сне, расскажи?
— Огромное солнце и мама!

*

Небо зеленое над кедрочами,
Музыка звезд и ветвей.
Что еще надо! — я с вами, я с вами,
Кедры моих сыновей.

В храме твоём отдыхаю, Природа,
От суеты и забот.
Неразделимы душа и свобода,
Мысли высокой полет.

*

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны родные, певучие,
Облака тает дымок.
Песней нездешнею мучает
Путника мой ветерок.

Жизнь я предчувствую вечную.
Если от бед загрущу,
Музыку тихую, нежную
Я у лесов попрошу.

Пепел
священного бора

Поэма

Стихнул шум ураганный пожара,
Деревенька сгорела моя.
В двадцать лет удивительно старый
Я стою у седого ручья.

Кружит пепел над бором сгоревшим —
Неизбывною песней моей.
Остается свидетелем вечным
Песни этой печальный ручей.

Нет в печали отчаянной проку.
Ты, суровая воля, приди!
Горстку пепла возьму я в дорогу,
Как тамгу¹, понесу на груди.

Блудный сын

Кедровник древний
У речки Ил.
Кольцом деревню
Он окружил.
Дома пустуют.
И лишь в одном
Мы жизнь лесную
С отцом ведем.

¹ Тамга — личный священный знак.

Мы егерями
Остались тут.
Пускай бобрами
Ручьи цветут,
Живут медведи,
Глухарь поет...
В колхоз соседний
Ушел народ.
С буровиками
Ушел Бугров.
Прощался с нами
Почти без слов...
Тропинок сколько
Прошли мы с ним!
Сказал он только:
«Что мы грустим?
Бродяжей метой
Помечен я.
Где солнце светит —
Мои края.
О блудном сыне
Не забывай...»

Вернулся ныне
Он в отчий край.
Такого часа
Он долго ждал:
«Кедрач мой, пася!¹
Меня ты звал...»

С прищуром синих
Холодных глаз
Рос парнем сильным
Бугров у нас.

¹ П а с я — здравствуй (манс.).

И юной силой
Он козырял.
Копну на вилах
Приподнимал.
Не посещала
Его тоска.
Твердил удало:
«Жизнь коротка!..»
Лесов свободу
Боготворил,
Любил охоту,
Друзей любил...

Немало лиха
Хлебнув с тех пор,
Вернулся Миха
В священный бор.
Чернее вара
Ночь за костром.
«Играй, гитара,
Пока живем...»
Уснул он пьяно.
Горит костер.
И рвется пламя
Упрямо
в бор.

На зов идола

Солнца рассветный венец
Запламенел над сухарой.
Ваза, мой старый отец,
Вышел из дома устало.

Посох дорожный в руке,
Посох звенящий и яркий.
В берестяном туеске
Идолу-духу подарки.

Ваза идет, как бобер,
Важно, походкой утиной.
Тропка торопится в бор,
Тропка с повадкой змеиной.

Идол насмешливо ждет,
Ждет он подарков, суровый.
Красен оскаленный рот,
Красен от беличьей крови.

Знает мой Ваза, отец:
В чаше дрожат самострелы.
В сторону шаг — и конец
На семислойной постели.

В черных, как прорубь, глазах
Идола гнев-повеленье.
Вазу он ждет. И в слезах
Тот начинает моление.

Моление

Пася, добрый сородич великого Нуми¹,
Речка Ил стала щедрой, как ты повелел ей.
От смородины черной она почернела.
От смородины красной протоки румяны.
Даже стерлядь из сора² сюда приплывала,
Сеть мою, остроносая, спутала сильно.

¹ Н у м и - Т о р ы м — верховный бог манси.

² С о р — большое озеро.

Но улов был, признаюсь, на редкость счастливым.

Помасипа! Помасипа!

Кара-ю! Кара-ю!

Много дал ты удач. Но рассказ не об этом.

Я тревогу принес тебе, добрый хозяин.

Ворон с крыши амбара кричал на кедровник,

Ворон трижды в окошко глядел мое ночью.

Видно, звал он в дорогу. Зачем? Я не знаю.

И закат был багровым, как спелая клюква...

Вот и дымом пахнуло... Как — жженые ветки...

Ветер жаркий... Откуда так рано поднялся?

Мой хозяин, смотри-ка?! Мой хозяин, пожар!

Кара...

Пожар

С грохотом листвень упала

Возле отца, и от пепла

Нечем дышать ему стало,

Жарко от красного ветра.

Кружится огнище грозно,

Искрами, дымом чихая.

Но убежать еще можно —

Тропка жива боровая.

К речке, отец!

Но, смятенный,

К духу ползет он, рыдая:

— Сила твоя огневая

Губит кедровник священный...

И в воспаленном сознанье

Облик последний остался:

В душном багровом тумане
Идол кроваво смеялся...

*

Я тормовал¹
Увидел за семь далей,
Увидел пламя,
Пламя в семь печалей.

Встреча

В свидетели горе беру.
Прощай, деревенька моя!
В обугленном, черном бору
Мы встретились — Миха и я.

Мы в саванах пепла стоим,
От горестных дум — старики.
И взгляды скрестили, молчим.
Мы с Михой сейчас — чужаки.

Миха:

— До слез захотелось домой.
Взял отпуск и — в наши края...
Не думал, что стану бедой.
Суди меня, воля твоя.

Ты сам же себя осудил.
Жесток, справедлив приговор:
Не знает тебя моя Ил,
Не помнит мой пепельный бор.

Горсть пепла возьми в узелок.
Живи на развилках дорог.

¹ Тормовать — охститься с лодки на лося.

*

Лось не боится жилья,
Лось у крыльца отдыхает.
Милые сердцу края,
Кто вас сегодня не знает!

Всюду грома буровых.
Но в этой новой метели
Нет мне дорожке лесных
Песен березы и ели.

Я о былом не грущу,
Зла ни к кому не питаю.
Новый кедровник ращу,
Верен Природе и краю.

Семьи таежников вновь
Будут на родине в сборе.
Жду тебя, Миха Бугров,
С пеплом священного бора.

Содержание

«Как ерши, ошетинились пади...»	3
Зеркальный лось	3
Ночной сохруп	4
Тропа язычника	5
Геолог	6
Скворечник	7
«На буровые езжу за стихами...»	8
Монолог буровика	8
Береза и старик	9
«Пусть за меня поговорит костер...»	10
Ива	11
Грибная тайга	11
Медвежатник	12
Слово о кедре	13
Ночной омут	14
Морошковое лето	14
«Лиственница утром ранним...»	15
«Я взял с собой в дорогу нежность...»	16
«Ковш Медведицы черпает тьму...»	16
«Есть у Конды протока Голубика...»	17
«Нет шумней в паулах вести...»	17
Знойный день	19
Выдра-невидимка	19
Идол	20
Таежное	21
В предгрозые	22
Праздник грома	22
«Как зелена сегодня луговина!..»	23

«Я славлю раковины пенье...»	24
Бригантина	24
Рерих	25
Сын Грома. <i>По мотивам мансийских героических песен</i>	26
В дожди	27
Осеннее	28
«Натруженные лапы глухаря...»	28
Лесник	29
Старый кедр	30
На озере Туман	30
Рябиновый пир	31
«Прощается клин журавлиный...»	32
Золотой падун	32
Осеннее утро	33
Тетя Нюра	33
«Призывный свист...»	34
«Ой, березовые дали...»	35
Следопыт Макарович	36
Февраль	37
«В кедровой хвое постоянно...»	38
«Вечерний сумеречный лес...»	38
«Горбатый пень обрел свои черты...»	39
На Север	39
Песня каюра	40
«А снег не тает...»	41
День боренья	42
Гимн березовому соку	42
Сумерки марта	43
Апрельский лед	44
Лось и подснежник	45
День укрощения огня	46
«После дождя вода зеленой...»	47
Ручей Берестяная чашка	47
Маска язычника	48
Олень	49

Земляк	49
Белая ночь	50
«Улыбка ребенка во сне...»	51
«Небо зеленое над кедрочами...»	51
«Сосны расцвечены бликами...»	51
Пепел священного бора. <i>Поэма</i>	53

**Андрей Семенович
Тарханов**

ПРАЗДНИК ГРОМА
Стихотворения
и поэма

Рецензент

Б. Абсарагов

Редактор

Б. Романов

Художник

О. Сахарова

Художественный редактор

В. Покусаев

Технический редактор

Л. Анашкина

Корректоры **Т. Люборец,**

Г. Черепенникова

ИБ № 2465. Сдано в набор 28.05.81. Подписано
к печати 29.10.81. А10113. Формат 70x90/32. Гар-
нитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 1.
Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 2,61. Уч.-изд. л. 2,28.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1887. Цена 35 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли и Союза писателей
РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу: 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»

74612004
Окружная библиотека

Поэт манси Андрей Семенович Тарханов родился в 1936 году в деревне Аманье Кондинского района Тюменской области. Учился в Ленинградском педагогическом институте. Автор книг стихов «Первая завязь», «Утренний бор», «Зеленый дождь», «Утренний лыжник». Пишет на русском языке. Член Союза писателей. Живет в Ханты-Мансийске.